

СЕМЬЯ И МАТРИЦА

Как память поколений и детский опыт вмешиваются в нашу жизнь

1996 год. Я потянулся в глубину — и замер. Вместо шершавой древесины моя рука нащупала ткань, под ней угадывались твердые предметы. Я рванул на себя... Вдруг из поленницы дров, которая десятки лет стояла на заднем дворе нашей дачи на Сходне, выпал холщовый сверток, а в нем — ржавые металлические детали. Двустволка. Обрез. Ошибки быть не могло.

Я сел на бревно и стал машинально перебирать детали.

Раньше я неплохо стрелял. Армия, Военный институт, служба в разведке на Дальнем Востоке — всё это в прошлом, но... Руки-то помнят.

Кто сделал схрон с оружием на даче? Дедушка? Вряд ли. Не такой он был человек. Кроме того, если бы у него было ружье, разве стал бы он...

Нет, это отец. В его духе, точно. Освободившись после второго заключения, он смог вырваться из криминальной среды, но, оказывается, имел тайник с обрезом. На какой-то крайний случай.

Как же странно, что оружие попало мне под руку именно в тот момент!

И вообще почему я взялся разбирать никому не нужные дрова? Хотелось физической работой приглушить шквал своих мыслей.

Меня предал партнер. Институтский товарищ, которого я сам же и привел в бизнес. Он переделал общую компанию за моей спиной и указал мне на дверь. Да еще бросил вслед при сотрудниках:

— Алексей без меня продержится год, не больше. Вот увидите.

Эту шарманку я крутил в голове день за днем.

И думал: «Что делать? Начинать собственный бизнес во второй раз, в одиночку?» Страшно. Очень. Страх был сильнее, чем, к примеру, на борту падающего самолета в небе Анголы, когда по кабине летал оторвавшийся от стены баллон с кислородом, угрожая разmozжить мне голову.

— Лёха, ты только намекни — разберемся с ним по понятиям, — сказал один из друзей, узнав о моей ситуации в бизнесе.

Дело было в девяностые. Вся страна жила по понятиям. Сколько неприкайанных стволов гуляло по России... Вчерашние офицеры, уволенные по сокращению штата (мой случай). Ребята, вернувшиеся из Афгана: с боевым опытом, с государственными наградами, но без понимания, как и зачем жить дальше.

«Разберемся по понятиям...» Я отмахнулся от этой мысли. С кем я должен был разобраться? Только с собой. Не продержусь дольше года — или смогу, продержусь? На что я способен в жизни сам, один?

Я завернул детали в холстину, наконец-то закурил и в который раз сказал себе:

— С бизнесом надо что-то решать.

Принимать решения... Этого я не любил и не умел. Даже боялся. Это всегда делали за меня.

Вообще прежняя жизнь многому меня научила. Стрелять, ходить строем, выполнять команды — само собой, но не только. Я был военным переводчиком, свободно владею английским и китайским языками, с интернатских времен даже немного помню хинди. Я разбираюсь во всех видах оружия. Меня обучали военному переводу, дипломатическому этикету, искусству понимать людей с полуслова и быть незаметным или незаменимым, как положено хорошему переводчику.

Еще армейская среда максимально усилила мой природный коллективизм. Комиссар — такое у меня было прозвище. Хорошая роль, почетная и важная, но это не командир. Не тот человек, который принимает ключевые решения и берет на себя ответственность.

Как же приглушить шквал этих мыслей? Куда уйти?

Я ушел в прошлое.

Вспомнил себя на той же даче в самом раннем детстве, стал мысленно перебирать события из семейной истории в поисках чего-то такого, на что можно опереться. Пытался найти подсказку, правильный ответ, оттолкнуться и начать подъем — вот чего я хотел.

Прошлое было сплошь в белых пятнах. Мои родители и другие старшие родственники из соображений безопасности многое от меня скрывали и практически не говорили о пережитом. Но значение имели даже общие скудные сведения и фразы, брошенные невзначай.

Моя мама — Светлана Унановна Крылова, до замужества Гарсаян, — родилась в 1939 году на Северном Кавказе в городе Кисловодске. В двадцатые годы прошлого века ее семья вместе с ближайшими родственниками переместилась туда из провинции Карс (тогда это была Западная Армения, сейчас — Турция). Армяне покинули родину, спасаясь от погромов и геноцида. Детали мне неизвестны, но мама рассказывала, что среди предков были паши — уважаемые и состоятельные люди, которым удалось откупиться от преследователей и сохранить жизни, а также какие-то ценности, чтобы устроиться на новом месте.

Что могло быть ценного? Золото и серебро, в спешке больше ничего с собой не заберешь. Это семейная легенда: монеты и украшения прятали в клубках пряжи, из которых пожилые женщины что-то вязали в пути.

— Старух не обыскивали, — говорила мама.

В историческом центре Кисловодска, над колоннадой и парком, есть Армянский квартал, где стоит дом моих предков. Меня удивляло, как беженцы могли поселиться в этом красивейшем месте. Мама говорила:

— Не знаю. На моей памяти дом был всегда.

Вот оно — особое умение адаптироваться, заложенное в армянской ДНК. Где бы они ни оказались, гонимые очередным историческим вихрем, везде сумеют приспособиться к обстоятельствам и жить достойно. Но всегда будут помнить, что расслабляться нельзя: новый вихрь может налететь в любой момент, и придется в считанные часы покидать эпицентр драматических событий (желательно с золотом в клубках).

Моя мама унаследовала эти качества — гибкость, бдительность и стойкость. Плюс к этому она обладала необыкновенно светлым характером. В семье было пятеро детей, среди них Света — Светочка, — как бы оправдывая свое имя, оказалась центром света, радости и тепла. Обо всех говорила только хорошее, всех старалась примирить... Сама

никогда ни на кого не обижалась, видела в людях лучшее и запоминала добро.

Вот, к примеру, ее первое впечатление из раннего детства.

Света — в возрасте лет четырех — сидит на крыльце родного дома в Кисловодске и грызет семечки. На ней красивое платье и новые сандалии. Небо синее, солнце яркое. Рядом останавливается незнакомый человек в военной форме, смотрит на нее с улыбкой, вытряхивает из ее рук семечки и дает шоколад. Потом что-то говорит на чужом языке и уходит. Это был немецкий солдат. Наверное, глядя на армянскую девочку, он вспомнил о своем ребенке и решил ее угостить.

Света бежит к маме на кухню и показывает шоколад:

— Дядя солдат дал.

Мама выхватывает шоколад, бросает на пол, топчет его и ругает дочку...

Когда Светочке было за восемьдесят, она часто пересказывала именно этот эпизод — описывала солнечный день, улыбающегося солдата и шоколад. Других воспоминаний о раннем детстве в Кисловодске, о лишениях и тревогах военного времени у моей мамы не осталось.

В годы оккупации санатории курортного города использовались как госпитали для раненых, а жителей принуждали обслуживать их и работать на местных предприятиях. После войны советская власть обвинила этих людей в пособничестве фашистам, многих арестовали или депортировали. В основном это были карачаевцы и балкарцы, но под каток массовых репрессий попадали и представители других национальностей Северного Кавказа. Многие из пострадавших никак не взаимодействовали с оккупантами, однако не могли это доказать.

Моих предков в Кисловодске тогда уже не было — мамина семья переехала в Нальчик. Может, сработало особое чутье на приближающийся «вихрь», а может, откуда-нибудь — от своих — поступила информация, что на всякий случай надо сниматься с места.

В 1954 году, после смерти Сталина и с началом реабилитации жертв политических репрессий, семья вернулась из Нальчика в Кисловодск. А мама, окончив семь классов, уехала к старшей сестре в Калининград, где поступила в торговый техникум. Именно там она и познакомилась с Виктором Крыловым — будущим мужем, моим отцом.

Здесь хотелось бы рассказать и о семье отца, но ее история мне известна в самых общих чертах. До перестройки это категорически не обсуждалось, и лишь потом бабушка Валя достала из своих тайников картонные фотографии с вензелями. На снимках 1912–1916 годов — люди ушедшей эпохи. Дворяне из Ростова-на-Дону, в большинстве своем исчезнувшие после революции. Бабушка не вдавалась в подробности. От своих родителей она знала, да и сама видела, как бывают внезапны, беспощадны и бессмысленны эти «исторические вихри».

В 1947 году ее мама — моя прабабушка по отцовской линии — была осуждена на пятнадцать лет лишения свободы «за пособничество оккупантам». В Ростове-на-Дону она работала бухгалтером на хлебокомбинате — до войны, во время и после. Приходилось зарабатывать на жизнь. Это и было квалифицировано как предательство и пособничество. Прабабушку реабилитировали в середине пятидесятых, она вернулась из лагерей парализованной, и еще двадцать лет дочь Лида ухаживала за ней, а Валя, моя бабушка, каждый месяц высылала из Москвы деньги и посылки с продуктами.

О самой бабушке Вале я хочу сказать главное: это была необыкновенная женщина, в которой сочетались красота, дворянское воспитание и незаурядный ум. Она успешно окончила Московский инженерно-строительный институт и получила диплом инженера по гидросиловой специальности. Среди женщин высшее образование, а тем более техническое, в ту пору было большой редкостью. Сохранилась общая фотография выпускников ее курса, в числе которых только одна девушка — Сизинцова Валентина Валентиновна.

Многие добивались ее внимания и в Ростове, и позже в Москве. Она выбрала Алексея Николаевича Крылова — коллегу-инженера на десять лет старше себя, со сложной личной историей. Он был родом из Смоленской губернии, семья его пропала в годы войн и революций. Среди братьев были и комиссары, и белогвардейцы — все погибли или подверглись репрессиям. Только Алексей Николаевич, мой будущий дедушка, остался в живых. Благодаря своей специальности инженера по электросетям он был очень востребован в промышленности да еще имел какие-то сложности со здоровьем, так что на фронт не попал.

Как познакомились Валентина Сизинцова и Алексей Крылов, как вспыхнули и развивались их чувства, я не знаю. Могу только привести

факт из семейной истории: зимой 1941 года у них родился сын Виктор, мой отец.

До конца жизни дедушка и бабушка боялись сказать лишнее слово о родственниках, надеялись, что молчание — хоть какая-то защита. Я же считаю, что семейные драмы, скрытые под спудом страха, могут отягощать судьбы новых поколений. Называйте это как угодно — мистикой или групповой поведенческой динамикой, но это имеет место быть. Историю предков надо узнать и отрефлексировать, и мне еще предстоит этим заняться. А сейчас — разговор о другом.

Итак, ДНК моего рода формировалась как бы под единым катком истории, но на почве разных культур и традиций. В итоге — мамина мотивация: «Адаптируйся, ищи и используй плюсы любой ситуации». Эмоциональность, оптимизм, интерес к людям — это всё у меня от нее. Отцовский же импульс другого свойства.

Отец был человеком большого аналитического ума, предприимчивым, сильным и амбициозным. За что и поплатился. В наши дни он мог бы построить большой бизнес, но в советское время такое сочетание качеств было опасным.

Папа рос в Замоскворечье. Его современник, известный артист Михаил Козаков, рассуждая о судьбах молодых москвичей шестидесятых, говорил, что дорога им была если не в тюрьму, то в Академию наук или на большую сцену. У папы имелись и те, и другие задатки. Он занимался спортом, с большим рвением учился... После школы как бы потерял аттестат и оформил его дубликат, чтобы использовать оба документа для поступления сразу в два вуза (официально это было запрещено, можно было выбрать только один институт). Так мой отец получил две специальности — стал технологом общественного питания и учителем математики и черчения.

Максимально реализовать себя и использовать все возможности, несмотря на препятствия, — видимо, такова была изначальная мотивация папы. Не знаю, откуда в нем этот импульс, но чувствую его и в себе.

Один из вузов, где учился мой будущий отец, находился в Калининграде. Как я уже сказал, именно в этом городе судьба и свела его с девушкой из Кисловодска — Светланой Гарсанян.

Мама была яркой и очень энергичной. Красиво одевалась, прекрасно танцевала и вообще очень естественно держалась на публике. Кстати, еще в детстве, в Нальчике, она занималась танцами и на каком-то концерте исполняла номер змеи, облачившись в обтягивающий блестящий костюм, за это получила строгий выговор от своего отца:

— Приличная девочка в таком виде на людях появляться не должна!

Пятидесятые годы, Кавказ... Кружок пришлось бросить, но любовь к танцам осталась на всю жизнь. (Много лет спустя, когда маме было уже за восемьдесят, мне с восхищением рассказывали, как она неутомимо отплясывала по вечерам на круизном теплоходе.)

Говорят, противоположности притягиваются. Так и случилось с моими будущими родителями.

Виктор Крылов был замкнутым молодым человеком, но Светочка обратила на него внимание. Спортивный, серьезный, очень начитанный — и москвич. Столичный флер, конечно, произвел на провинциальную девушку впечатление. Она вовсе не хотела по окончании торгового училища возвращаться из Калининграда на родину: будущее в маленьком сонном Кисловодске выглядело слишком предсказуемым и унылым.

Света Гарсаян вышла замуж за Виктора Крылова и уехала с ним в Москву. Но вскоре им пришлось надолго расстаться.

Это были шестидесятые годы, хрущевская оттепель. Папа переоценил степень демократизации и новых возможностей — занялся «бизнесом», и итогом бурной молодости стали события, которые кардинально изменили его жизнь. Он был осужден к лишению свободы за валютные операции.

Никто не рассказывал мне, как это произошло. Эта часть жизни никогда не обсуждалась, но присутствовала и влияла на всё происходившее в семье.

Не могу представить, что переживала мама. Но знаю, что ей было очень тяжело и морально, и физически. В семье отца ей были не очень-то рады. Когда я родился, ни от кого не приходилось ждать особой помощи и надо было много работать, чтобы закрепиться в Москве. Очевидно, именно поэтому я с самых ранних лет оказался на попечении советской системы. Сначала ясли и сад на пятидневке (это когда ребенка забирают домой только на выходные), потом — школа-интернат, а дальше — армия: шесть лет срочной службы с проживанием в казар-

мах (включая учебу в институте) и общежитие в военном гарнизоне на Дальнем Востоке.

Мое ощущение из детства таково: события жизни — это данность, которую ты принимаешь, выбора нет. Долгое время у меня не возникало даже мысли, что бывает по-другому.

Как видите, тема внешней мотивации в моей биографии раскрыта максимально. Но я не стану утверждать, что подчинение индивидуума целям группы, принуждение, поощрение, наказание — это заведомо зло. Советская система воспитания многое мне дала: не только образование, но и глубокое эмпирическое знание той самой динамики групп, умение понять людей, оказавшихся в единой системе, и безошибочно найти в ней свое место.

Всё это легло на операционку, которую я унаследовал от родителей. Оба были в высшей степени предприимчивы, но каждый по-своему: мама — интуиция, общение и обаяние, отец — логика, аналитика и сдержанность. Я же — синтез обеих моделей. Отношение к деньгам, карьере, риску в предпринимательстве и в жизни — всё это заложено во мне культурным кодом семьи, а также образом жизни в детстве и юности.

В частности, у нас было не принято считать деньги. Их обычно хватало на всё, что мог пожелать обычный советский человек, а на большее мы и не претендовали. Установка «не считать, не экономить, не откладывать» перешла и ко мне. Есть даже некий страх: вдруг когда-нибудь всё же придется это делать. У моей супруги Елены другие психологические настройки — она значительную часть жизни провела в Германии, где социально одобряемым качеством является рачительность. И я считаю, что это благо: если партнеры уравнивают друг друга, в том числе и по отношению к деньгам, оба в результате только выигрывают.

Отношение к риску — важная тема. Рисковать я не люблю, по возможности минимизирую риск, но принимаю его, когда это неизбежно. Конечно, мне доводилось стоять лицом к лицу с оппонентами, которые демонстрировали агрессивные намерения. Я не провоцировал, не принимал боевую позицию, но и не уклонялся — показывал, что готов к удару, подавляя в себе страх. Однако старался разрешить конфликт дипломатическими методами. Таков мой стиль и в бизнесе. Я всегда искал форматы, минимизирующие риск, и только это спасло меня от драматических решений и банкротства.

Что касается карьеры... Мама часто повторяла:

— Мой сын станет дипломатом.

Я же хотел путешествовать и общаться с людьми, и это вполне укладывалось в мамин идеал, но реализовалось в другой области. Мечту Светланы Крыловой воплотил младший внук: он действительно стал дипломатом, но это уже совсем другая история.

Теперь возвращаюсь к разговору о том, как началось мое осознанное взаимодействие с реальностью. Было это в школе-интернате № 19, и о ней я хочу рассказать подробнее.

Таких учебных заведений в Москве было несколько. По идее, они создавались для детей из неполных и проблемных семей. В моем случае основанием для поступления был тот факт, что отец находился в местах заключения.

В этом интернате действовала система воспитания А. С. Макаренко — знаменитого советского педагога, который работал с беспризорниками после Гражданской войны. Дети учились и жили отрядами, находясь при этом на полном обеспечении: питание, одежда, учебники оплачивались государством.

Возможно, сейчас вы представили трагическую картину — какой-то детский приют и его обездоленных воспитанников... Нет, в нашем интернате обучались в том числе дети иностранных специалистов и дипломатов из развивающихся стран. Состоятельные москвичи в обход правил «проталкивали» сыновей и дочерей в такие интернаты, как наш. Зачем? Чтобы не болтались по дворам, а находились под присмотром и изучали редкие языки или специальные предметы. Наверное, для некоторых это был благовидный способ свести родительские обязанности к минимуму и сфокусироваться на карьере или служении обществу.

Впрочем, образование и воспитание детей в отрыве от семьи — распространенная практика разных эпох и народов. Вспомним пушкинский лицей, пансионы благородных девиц или школы-пансионы, куда с давних времен отправляют своих отпрысков состоятельные люди в Великобритании. Предполагается, что там дети получают ранний опыт системного мышления на таком уровне, какой невозможен в домашних условиях.

Конечно, я не буду проводить параллели между английскими и советскими подходами к образованию, но могу сказать, что качество обучения у нас было высоким. Многие интернаты имели особые профили — например, математический, химический, спортивный и так далее... А в нашем, девятнадцатом, куда я поступил в 1972 году, изучались редкие восточные языки: хинди и урду.

Меня часто спрашивают, имею ли я особые способности к иностранным языкам. Нет. От природы я склонен скорее к точным и естественным наукам — это у меня от отца. Но по месту прописки ближайшим интернатом оказался именно девятнадцатый, языковой, туда меня и направили. Так что это чистая случайность.

Сейчас я понимаю: обстоятельства сложились для меня удачно, хотя на протяжении всех десяти лет обучения я мечтал вырваться из «инкубатора» (так мы его называли) и потом никогда, ни за что не отдал бы в такую школу своего ребенка. Все-таки это жесткое, радикальное решение, оно имеет свои риски как для формирования детской психики, так и для отношений внутри семьи.

К счастью, я с этим справился. По мере взросления некая обида за мое полуказенное детство возникала, но я быстро ее отследил и погасил, отрефлексировал. Так что с мамой у нас всегда были очень близкие и теплые отношения. Это важно. В своей практике коуча я часто наблюдаю случаи, когда претензии к родителям и связанная с ними боль приобретают драматическое значение и сопровождают людей на всем жизненном пути. Тогда я рекомендую обратиться за поддержкой к профессионалу — психологу, поскольку работа с подобными проблемами — вне компетенции коуча или ментора.

Кстати, сам я имел возможность убедиться: принятые мамой решения были для меня не просто благотворными, но спасительными.

Итак, со второго класса я начал учить хинди по четыре раза в неделю, а с пятого класса добавился еще и английский. Нашими преподавателями были выпускники Института стран Азии и Африки МГУ. В параллельном классе учили урду — официальный язык Пакистана, на котором также говорят в некоторых штатах Индии.

Запомнился лингафонный кабинет, где стояли стеллажи с сувенирами из Индии. Украшения, куклы в национальных костюмах, макет Тадж-Махала — красота! Мы приходили туда как в музей восточной культуры.